

## К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

С.С. Лосев

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права,  
Белорусский государственный университет,  
*sergei\_losev@list.ru*

**Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые аспекты определения пределов осуществления исключительных прав в отношении объектов права интеллектуальной собственности. Автор рассматривает проблематику ограничения исключительных авторских и смежных прав, исчерпания исключительных прав, а также применения принудительных лицензий в целях противодействия злоупотреблениям со стороны патентообладателей. Автор приходит к выводам о целесообразности использования элементов доктрины *fair use* в отечественном институте авторского права и смежных прав, необходимости системного пересмотра норм законодательства в целях перехода к международному режиму исчерпания исключительных прав, а также о необходимости дальнейшего развития института принудительных лицензий в патентном праве.

**Ключевые слова:** гражданское право, право интеллектуальной собственности, исключительное право, ограничения исключительного права, исчерпание исключительного права, злоупотребление исключительным правом, авторское право и смежные права, патентное право.

**Abstract.** This article examines key aspects of determining the limits of exclusive rights to intellectual property. The author examines the issues of limiting exclusive copyright and related rights, exhaustion of exclusive rights, and the use of compulsory licenses to combat abuses by patent holders. The author concludes that it is appropriate to incorporate elements of the fair use doctrine in the domestic copyright and related rights system, that a systematic review of legislation is necessary to transition to an international regime of exhaustion of exclusive rights, and that the institution of compulsory licenses in patent law needs to be further developed.

**Keywords:** civil law, intellectual property law, exclusive right, limitations of exclusive right, exhaustion of exclusive right, abuse of exclusive right, copyright and related rights, patent law.

По своей сути любое исключительное право является легальной монополией, предоставляемой лицу для обеспечения его имущественного интереса. Однако современные исследователи все чаще обращают внимание на то, что права интеллектуальной собственности – это не только защищаемые законом частные права; объекты интеллектуальной собственности обладают социально-экономической, культурной либо научной ценностью,

в связи с чем возможность доступа к ним представляет собой признаемый и охраняемый общественный интерес [1, с. 3]. Поэтому монополия субъекта исключительного права не должна быть безгранична – для достижения баланса интересов обладателей исключительных прав и интересов третьих лиц, общества в целом и государства вводятся ограничения этих прав, обеспечивающие для творца лишь ограниченную монополию на результат труда [2, с. 208-209], а основной проблемой права интеллектуальной собственности становится поиск и законодательное закрепление баланса частных интересов правообладателей и интересов третьих лиц, включая интересы общества в целом.

Как было отмечено в заявлении Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, «... в конечном счете, интеллектуальная собственность представляет собой социальный продукт и имеет социальную функцию. Защита интеллектуальной собственности должна служить цели обеспечения благосостояния человека, а свое правовое выражение данная цель находит в международных инструментах по защите прав человека» [3]. К их числу относятся Всеобщая декларация прав человека (1948), которая закрепляет право каждого человека свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами (ст.27(1)), и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), в котором упоминается право каждого человека на пользование результатами научного прогресса и их практического применения (ст.15(1)). Тем самым на уровне основополагающих международных правовых актов декларируется необходимость поиска *баланса интересов* обладателей прав интеллектуальной собственности и общества, заинтересованного в получении доступа к достижениям науки и культуры, в том числе охраняемым в качестве объектов интеллектуальной собственности.

Проблематика баланса интересов занимает особое место в доктрине права интеллектуальной собственности. Как отмечает Е. Б. Леанович, с самого зарождения права интеллектуальной собственности было очевидно, что введение монополии в пользу одного лица должно осуществляться на основе баланса интересов творца и пользователя; однако современный мир заставляет расширять количество заинтересованных сторон и, учитывая наличие особых, конкурирующих интересов, отнести к ним государство, правообладателей, авторов и пользователей [4, с. 12-13].

Чаще всего в качестве инструмента достижения баланса интересов правообладателей и пользователей рассматривают устанавливаемые зако-

нодателем *ограничения исключительного права*, суть которых состоит в предоставлении заинтересованным лицам возможности использования охраняемых объектов интеллектуальной собственности без согласия правообладателя и выплаты вознаграждения либо без согласия, но с выплатой вознаграждения.

Однако к вопросу баланса интересов нужно подходить шире, включая в него также такие аспекты как определение содержания исключительного права, вопрос о соотношении исключительного права и права собственности на материальные объекты, в которых воплощены объекты интеллектуальной собственности, а также проблемы злоупотребления исключительным правом.

Как отмечает в своей диссертации А. С. Ворожевич, границы исключительных прав должны «пролагаться» ровно в том месте, где исключительное право перестает служить целям инновационного и научно-культурного развития и начинает, напротив, мешать, блокировать его; при этом найти подобный баланс, по мнению автора, крайне сложно [1, с. 5]. Данный автор предлагает рассматривать границы исключительного права как правовой институт, разделяющий сферу контроля правообладателя и сферу свободного использования объекта (его отдельных элементов) всеми иными лицами. При этом действия правообладателя «внутри» подобных границ представляют собой осуществление его права, а за их рамками любые иные лица могут использовать объект интеллектуальных прав без согласия на то правообладателя, и у таких лиц не возникает самостоятельного субъективного права на объект интеллектуальных прав сложно [1, с. 14].

Традиционным инструментом определения границ осуществления исключительного права и достижения баланса интересов является *ограничение исключительного права*. Основополагающая норма содержится в ст.983 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК): ограничения исключительного права путем предоставления возможности использования объекта интеллектуальной собственности без согласия (разрешения) обладателя исключительного права допускается в случаях, пределах и порядке, установленных законом. Конкретные ограничения исключительных прав в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности закреплены в законах Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», «О патентах на сорта растений», «О правовой охране топологий интегральных микросхем».

Безусловно, для институтов авторского права и смежных прав, с одной стороны, и патентного права, с другой, проблематика ограничения исключительного права имеет свою специфику. При этом следует отметить, что наибольшее значение ограничения исключительного права имеют именно для авторского права и смежных прав.

В Беларуси, как и в других государствах, принадлежащих к континентальной правовой семье и следующих концепции *droit d'auteur*, ограничения исключительного права на произведение подчиняются принципу *pitierous clausus*, т. е. определены исчерпывающим образом и, как правило, толкуются ограничительно. Следствием такого подхода является то, что появление новых технологий использования произведений требует внесения изменений в законодательство для закрепления новых допускаемых ограничений исключительного авторского права, характерных для таких новых способов использования.

В законодательстве государств англосаксонской правовой семьи, следующих концепции *copyright*, ограничения исключительных прав в основном реализуются в рамках доктрины добросовестного использования (*fair use*) [5, с. 20]. Как отмечает В. О. Калятин, доктрина *fair use*, сформулированная судебной практикой, в максимально упрощенном виде предусматривает возможность свободного использования объектов авторского права в случае, если такое использование является разумным [6, с. 137].

В качестве тенденции, присущей развитию национальных законодательств стран мира, применяющих «закрытую» систему ограничений исключительного авторского права, можно назвать стремление как законодателя, так и суда придать этой системе большую гибкость. В этой связи проф. П. Сиринелли отмечает, что «... истина, возможно, находится между двумя подходами», что может выражаться в системе, которая является *a priori* закрытой, но при этом дополнена возможностью проявления определенной гибкости с использованием критерия «добросовестное поведение». При этом, допуская возможность для суда в определенных случаях выходить за рамки, установленные законом, необходимо предложить суду четкий критерий, позволяющий оценивать правомерность несанкционированного использования охраняемого произведения за пределами законодательно определенных границ допускаемого свободного использования [7]. В этой связи концептуальным направлением развития отечественного законодательства об авторском праве и смежных правах видится внедрение элементов доктрины *fair use*, когда приведенный в законе перечень случаев допускаемого свободного

использования будет определен как открытый указанием на возможность свободного использования в иных случаях, когда такое использование обусловлено общественным интересом, носит некоммерческий характер и признается добросовестным.

На сегодняшний день универсальным критерием для решения вопроса о допустимости установления новых ограничений исключительного авторского и смежного права, прямо не названных в международных договорах, является «трехступенчатый тест», предусмотренный нормами Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (1886 г.), Договором ВОИС по авторскому праву (1996 г.), а также Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (1994 г.). При этом особое значение применение «трехступенчатого теста» приобретает в связи с решением вопроса о допускаемых ограничениях исключительного авторского права (смежных прав) при использовании объектов в цифровой среде, поскольку действующие в настоящее время международные договоры не содержат норм, специально посвященных таким ограничениям. В качестве возможной области практического применения «трехступенчатого теста» в отечественном законодательстве может стать установление дополнительного ограничения исключительного права на сообщение для всеобщего сведения произведений и объектов смежных прав в целях обеспечения доступа к охраняемым объектам в рамках образовательного процесса.

Еще одним аспектом определения пределов осуществления исключительного права является его *исчерпание*. Вопрос о соотношении исключительного права на объект интеллектуальной собственности и права собственности на материальный объект, в котором воплощен объект интеллектуальной собственности, всегда был предметом научной дискуссии. Однако в наши дни справедливо говорить уже не о соотношении, а о коллизии указанных прав. Как отмечает В. О. Калятин, классическое понимание права собственности базируется на восприятии его как наиболее абсолютного права, предоставляющего правообладателю максимально возможный контроль над объектом. При формировании конструкции права на результаты интеллектуальной деятельности ставилась цель добиться того же. Сочетание функционального совпадения двух рассматриваемых прав с разнонаправленностью векторов вещного и интеллектуального правоотношения с неизбежностью приводит к конфликту двух прав в случае принадлежности исключительного права на произведение и вещного права на носитель произведения разным лицам [8, с. 55-56]. При этом по мнению В. О. Калятина при

конфликте права собственности с исключительным правом последнее будет иметь существенное преимущество [8, с. 61]. Аналогичную позицию занимает российский правовед Н. А. Кастерин, отмечая, что «... российский правопорядок ставит интеллектуальные права выше вещных прав, делает интеллектуальные права сильнейшими из всех видов субъективных прав, снабжая их беспрецедентными средствами защиты, хоть и формально не провозглашая очевидного приоритета» [9, с. 112].

Данное утверждение справедливо и в отношении белорусского законодательства. В ст.984 ГК закреплен фундаментальный принцип, продублированный в ряде специальных законов применительно к отдельным объектам интеллектуальной собственности: исключительное право на объект интеллектуальной собственности действует независимо от права собственности на материальный объект, в котором такой объект интеллектуальной собственности выражен (применен). Однако системный анализ норм законодательства позволяет говорить о существенном дисбалансе между правами вещными и правами исключительными. Согласно норме п.2 ст.210 ГК собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству ... и не ущемляющие прав и защищаемых законом интересов других лиц; согласно норме абз.2 п.1 ст.983 ГК лицо, обладающее исключительным правом, вправе использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым не противоречащим закону способом, а также разрешать или запрещать его использование другим лицам. Как видно из сравнения приведенных норм, законодатель, устанавливая в качестве передела осуществления права собственности необходимость учета прав других лиц, не делает этого в отношении исключительного права, делая акцент на законодательном определении границ исключительного права.

Именно для определения границы между исключительным правом и правом собственности был создан институт исчерпания исключительного права. Обобщая доктринальные положения, исчерпание исключительного права можно определить следующей формулой: «Если право собственности на товар, в котором выражен результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, переходит к другому лицу (товар поступает в гражданский оборот), исключительное право на объект, выраженный в этом товаре, считается реализованным, «исчерпанным», т.е. прекращается. Иными словами, товар ... поступает в свободный гражданский оборот; об-

ладатель исключительного права не может потребовать запретить или ограничить дальнейший гражданский оборот этого товара либо обусловить его выплатой какого-либо вознаграждения» [10, с. 37].

Как отмечают исследователи, доктринальное учение об исчерпании исключительных прав было разработано немецким юристом Йозефом Колером в конце XIX в. и стало применяться судебно-правовой практикой при разрешении коллизий, связанных с интересами владельцев прав интеллектуальной собственности и интересами торговых организаций. Его суть состояла в том, что исключительные права подлежат исчерпанию (прекращению), если товар, в отношении которого действуют патентные или авторские права, либо на котором размещен товарный знак, введен в оборот либо самим правообладателем, либо третьим лицом, действующим с его согласия [11, с. 44]. Отправным для оформления доктрины исчерпания прав на товарный знак послужило вынесенное в 1902 г. решение немецкого суда по делу *Kölnisch Wasser*. Из решения суда следовало, что исключительные права на товарный знак не должны создавать монополии для правообладателя в отношении продвижения товара в хозяйственном обороте; в противном случае была бы сведена на нет идея свободной конкуренции на товарных рынках и существенным образом ограничено свободное перемещение товаров [11, с. 33-34].

Как отмечает проф. О. А. Городов, доктрина исчерпания исключительных прав стала тем инструментом, который позволил снять или, по меньшей мере, смягчить имеющие место противоречия как между монопольным характером исключительного права и принципом свободы перемещения товаров на территории одного государства (национальный аспект), так и между территориальным характером действия исключительного права и международными экономическими требованиями свободной торговли (международный аспект). В условиях глобализации международной торговли значение доктрины исчерпания исключительных прав, выбор масштаба и объема прав, подлежащих исчерпанию на ее основе, обретают особое значение, поскольку с опорой на них осуществляется реализация государственной политики по отношению к феномену так называемого параллельного импорта и формирование национальных подходов к юридической оценке актов недобросовестной конкуренции [12, с. 17-18].

Следует отметить, что вопросы исчерпания исключительного права актуальны не только в отношении товарных знаков. Как отмечается в обзоре «Ограничения и исключения из патентных прав: исчерпание патент-

ных прав», подготовленном Постоянным комитетом ВОИС по патентному праву на основании проведенного опроса 76 государств, участвующих в работе комитета, около трети государств применяют международный режим исчерпания. При этом цель государственной политики в части исчерпания патентных прав заключается в «достижении надлежащего баланса прав» (США), «обеспечении баланса между владельцами прав интеллектуальной собственности и потребителем» (Бутан), «установлении ограничений на осуществление прав промышленной собственности в целях достижения баланса в системе и стимулирования конкуренции» (Чили), а также «диверсификации источников товаров по конкурентным ценам» (Вьетнам) [13].

Как отмечают специалисты, в настоящее время на международном уровне нет унифицированного подхода в вопросе исчерпания исключительных прав. Страны мира свободны в выборе подходов и установлении их собственных норм в отношении исчерпания исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, включая товарные знаки, в соответствии со своими экономическими и политическими интересами [14]. Действующее для государств-членов ВТО Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) в статье 6 «Исчерпание прав» предусматривает, что «... ничто в настоящем Соглашении не должно использоваться для решения вопроса об исчерпании прав интеллектуальной собственности» [15]. Еще более четко данное правило было сформулировано в Дохийской декларации о ТРИПС и охране общественного здоровья – согласно п.5(d) декларации каждый член ВТО свободен в установлении режима исчерпания прав интеллектуальной собственности [16]. Иными словами, вопрос определения принципа исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности – национальный, региональный или международный – отдан на усмотрение национального законодателя. При этом, по мнению международных экспертов, режим международного исчерпания, не предполагающий каких-либо различий в отношении стран, в отношении которых происходит первое введение товара, содержащего объект интеллектуальной собственности, в гражданский оборот в наибольшей степени соответствует правилам ВТО, – международный режим исчерпания не устанавливает барьеров торговле, в связи с чем полностью соответствует цели либерализации торговли, предусмотренной ГАТТ [17].

Следует отметить, что выбор применимого режима исчерпания права основан, в первую очередь, не на правовой, а на экономической составляю-

щей; при этом каждое государство, исходя из своих национальных интересов, само определяет, какой режим оно устанавливает. В то же время, как отмечают исследователи, «... глобализация торговли и более широкое распространение товаров в последние годы, похоже, подталкивает страны к общему признанию теории международного исчерпания права на товарные знаки и параллельного ввоза товаров с такими товарными знаками» [18, с. 41]. Как отмечает проф. Ш. Гхош, доктрина исчерпания прав дискуссионна отчасти потому, что признает ограничения прав обладателя интеллектуальной собственности. Обладателями прав интеллектуальной собственности в основном являются большие компании, имеющие политическое и экономическое влияние, в то время как пользователя товаров, содержащих права интеллектуальной собственности, рассредоточены, а их политическое и экономическое влияние обычно слабее. Вследствие политического давления на законодательные и судебные органы происходит ограничение принципа исчерпания прав в виде установления требований к объему применения доктрины исчерпания прав через такие меры как определение того, кто является законным покупателем и какие сделки составляют продажу; географического охвата применения доктрины исчерпания прав, ограничивающего ее применение к продажам, осуществленным полностью в границах какого-либо государства [19, с. 28].

Нормы об исчерпании исключительного права предусмотрены законодательством Беларуси в отношении большинства объектов права интеллектуальной собственности. При этом белорусский законодатель в отношении большинства объектов устанавливает национальный режим исчерпания исключительного права, означающий, что исключительное право на объект интеллектуальной собственности, воплощенный в вещи, позволяет его обладателю контролировать нахождение такой вещи в гражданском обороте и, в первую очередь, не допускать ее ввоза на территорию Беларуси; вещь становится полностью подконтрольной собственнику только после того, как она будет введена в гражданский оборот на территории Республики Беларусь с согласия обладателя исключительного права. Нарушение данного правила превращает легально произведенный товар в контрафактный и является основанием для прекращения права собственности на него (подп.10<sup>1</sup> п.2 ст.236 ГК).

Экономические санкции, введенные в отношении Республики Беларусь рядом недружественных государств, а также бойкот рядом зарубежных правообладателей белорусского рынка обусловили необходимость принятия

временного закона – Закона Республики Беларусь от 3 января 2023 г. № 241-З «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности» (далее – Закон № 241-З). Ст.3 Закона № 241-З предусматривает установление в отношении товаров, включенных в специально формируемые перечни, международного режима исчерпания исключительных прав в отношении всех объектов интеллектуальной собственности, содержащихся в таких товарах после правомерного введения товаров в гражданский оборот на территории любого государства. Срок действия Закона № 241-З заканчивается 31 декабря 2026 г.

Однако помимо проблем, обострившихся в контексте санкционного давления, и решаемых путем принятия чрезвычайного и временного закона, нельзя не обращать внимание на внутренние проблемы, которые и ранее были присущи отечественному законодательству в вопросе соотношения исключительного права и права собственности. Наиболее сложной видится проблема исчерпания исключительного права в отношении компьютерных программ. Закрепленный в норме п.2 ст.16 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» принцип национального исчерпания исключительного авторского права, определяемый формулой «если экземпляры введены с разрешения правообладателя в гражданский оборот на территории Республики Беларусь посредством их продажи или иной передачи права собственности», нивелируется специальной нормой п.2 ст.13 Закона, признающей за правообладателем в отношении компьютерной программы исключительное право разрешать запуск и работу с ней (использование заложенных в компьютерную программу функциональных возможностей), а предусмотренная нормой п.3 этой же статьи возможность лица, правомерно владеющего экземпляром компьютерной программы, осуществлять указанные действия, ограничивается формулировкой «... на условиях, установленных правообладателем».

Из приведенных норм следует, что переход права собственности на вещь, содержащую в себе компьютерную программу, не прекращает контроль правообладателя в отношении использования такой программы; поэтому в отсутствие у нового собственника лицензионных отношений с правообладателем последний может потребовать прекращения использования программы, что может сделать невозможным использование самой вещи. Белорусский законодатель установил абсолютный приоритет интересов правообладателя компьютерной программы над интересами собственника вещи. С развитием техники все больше вещей содержат в себе предустановлен-

ное программное обеспечение, без которого такие вещи не могут быть использованы по своему назначению, вопрос исчерпания исключительного права на компьютерные программы приобретает особую актуальность.

Решение обозначенных проблем видится в *системном пересмотре норм законодательства Беларуси, посвященных исчерпанию исключительного права*. Опуская долгие рассуждения о достоинствах и недостатках известных мировой практике режимов исчерпания исключительного права (национальный, региональный и международный), можно сделать вывод о том, что именно международный режим исчерпания обеспечивает наиболее оптимальный баланс интересов собственника вещи и обладателя исключительного права на объект интеллектуальной собственности, воплощенный в ней. При этом в основу норм об исчерпании исключительного права должен быть положен очень простой принцип: «исключительное право на объект интеллектуальной собственности, воплощенный в вещи с согласия правообладателя, не может препятствовать собственнику вещи в ее использовании в соответствии с назначением вещи».

Еще одним аспектом определения пределов осуществления исключительного права является применение правовых мер, призванных корректировать порядок осуществления исключительного права в случаях, когда действия (бездействие) его обладателя может квалифицироваться как злоупотребление правом. Одним из первых инструментов, призванных противодействовать злоупотреблению правом, стал *институт принудительных лицензий*, получивший развитие преимущественно в рамках патентного права. Именно предотвращение злоупотреблений со стороны патентообладателя было названо в качестве цели для выдачи принудительных лицензий в норме статьи 5(2) Парижской конвенции по охране промышленной собственности (1883). Как отмечают современные правоведы, главное назначение принудительных лицензий состоит в пресечении попыток патентообладателя воспрепятствовать своим исключительным правом развитию соответствующих сфер науки, техники ... либо блокировать деятельность конкурентов в этих сферах [20, с. 57].

Как мы отметили выше, основой для формирования института принудительных лицензий стали нормы ст.5А(2) Парижской конвенции по охране промышленной собственности (1883 г.), которые предоставляют государствам-участникам право принять законодательные меры, предусматривающие выдачу принудительных лицензий, для предотвращения злоупотреблений, которые могут возникнуть в результате осуществления исключитель-

ного права, предоставляемого патентом. Следует особо отметить, что Парижская конвенция не ограничивает участвующие в ней государства в целях, для которых может использоваться механизм принудительного лицензирования. Как отмечает д-р Г. Боденхаузен, «... к другим случаям таких злоупотреблений можно отнести случаи, когда обладатель патента, хотя и использует его в конкретной стране, отказывается предоставить лицензии на разумных условиях и тем самым тормозит развитие промышленности, или же устанавливает чрезмерно высокие цены на свою продукцию» [21, с. 87].

В настоящее время более 150 государств мира предусматривают в своем законодательстве возможность предоставления принудительных лицензий [22]. При этом следует привести слова проф. К. Виссера о том, что термин «принудительная лицензия» используется как общий термин, охватывающий различные виды недобровольного разрешения на осуществление прав патентообладателя [23, с. 10].

В 2014 г. Институт Макса Планка в Мюнхене собрал более сорока ведущих мировых ученых в области права интеллектуальной собственности и конкуренции из 25 стран мира и подготовил совместную декларацию, в которой изложил основные вызовы, вставшие перед законодателями и правоисполнителями. В данной декларации, которая получила название «Декларация о патентной охране: законодательный суверенитет в условиях ТРИПС» (далее – Декларация о патентной охране), отмечается, что, «... поскольку патентное законодательство является элементом инновационной системы, оно должно быть адаптировано к потребностям инновационного развития конкретных государств, в том числе к конкретным условиям рыночной конкуренции в них». В целях обеспечения эффективной работы патентной системы как инструмента стимулирования инноваций патентная охрана должна предоставляться в зависимости от текущих социально-экономических условий функционирования рынка и в том объеме, который конкретно необходим для работы данного рынка с учетом всех выгод и потерь от введения патентной охраны». Более того, по мнению авторов Декларации о патентной охране, «... страны должны иметь свободу усмотрения в построении той системы патентной охраны, которая в наибольшей степени отвечает их технологическим возможностям, равно как и социальным, экономическим и культурным потребностям и приоритетам». Одним из инструментов балансирования работы патентной системы авторы Декларации называют *институт принудительного лицензирования*, отмечая, что принудительное лицензирование обеспечивает эффективность работы

инновационных рынков путем снижения рисков использования патентов как барьеров для изобретательства и инноваций [24].

В исследовании, подготовленном по заказу Комитета по патентному праву ВОИС, приводится развернутый перечень оснований, в силу которых в странах мира могут выдаваться принудительные лицензии, а именно: 1) неиспользование или недостаточное использование запатентованного изобретения; 2) невозможность использования зависимого патента; 3) осуществляемая патентообладателем антконкурентная практика и /или недобросовестная конкуренция; 4) чрезвычайное положение в стране или обстоятельства крайней необходимости, требующие использования запатентованного объекта; 5) необходимость обеспечения общественного интереса; 6) общественное некоммерческое использование; 7) невозможность патентообладателя удовлетворить потребности рынка на разумных условиях; 8) при использовании патента не удовлетворены разумные потребности общества; 9) необходимость предоставления принудительных лицензий в отношении фармацевтических продуктов на производство или экспорт в страны с недостаточными или отсутствующими производственными мощностями в фармацевтическом секторе; 10) принудительное перекрестное лицензирование в случае взаимной зависимости между сортами растений и запатентованными изобретениями [22].

Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» предусматривает возможность предоставления трех видов принудительных лицензий: 1) в связи с продолжительным неиспользованием (недостаточным использованием) изобретения, полезной модели, промышленного образца; 2) для использования зависимого изобретения (полезной модели); 3) в целях обеспечения национальной безопасности, обороны государства, охраны и защиты жизни и здоровья людей (ст.38 Закона).

Насколько данных норм достаточно для обеспечения баланса интересов всех участников отношений, связанных с использованием защищенных патентами решений: правообладателей, иных участников рынка, потребителей товаров (работ, услуг), в которых реализованы запатентованные решения, лиц, осуществляющих научные исследования и т.п.? Принудительная лицензия, которая может быть выдана по истечению трехлетнего периода неиспользования защищенного патентом решения, не применима в ситуации, когда необходимо обеспечить доступ к определенным технологиям или обеспечить национальный рынок определенными товарами,

в том числе в контексте противодействия вводимым в отношении Беларуси секторальным санкциям. Новый вид принудительных лицензий, целью предоставления которых названо «обеспечение национальной безопасности, обороны государства, охрана и защита жизни и здоровья людей» (п.3 ст.38 Закона «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы»), как представляется, может быть применен только в особой ситуации, примером которого может быть недавняя пандемия COVID-19.

Очевидно, что белорусскому законодательству не достает более гибкого инструмента для обеспечения баланса интересов патентообладателей и третьих лиц. В этой связи стоит обратить особое внимание на такой вид принудительных лицензий, упоминавшихся выше, как принудительные лицензии, выдаваемые *в связи с осуществлением патентообладателем антиконкурентной практики*. Отметим, что данный вид принудительных лицензий известен законодательству ряда государств, участвующих совместно с Беларусью в процессе евразийской интеграции: Патентный закон Республики Казахстан в числе возможных оснований для предоставления судом принудительных лицензий называет предоставляемых в ситуации злоупотребления патентообладателем своими исключительными правами, содействия или непрепятствования злоупотреблению такими исключительными правами другим лицом с его согласия; Закон Республики Армения «О патентах» называет, в числе прочего, возможность предоставления принудительных лицензий в связи с недобросовестным осуществлением патентных прав, в том числе ограничением конкуренции.

Возможность ограничения прав патентообладателей в контексте государственного антимонопольного регулирования прямо признается на уровне глобальных международных соглашений. Действующее для государств-членов ВТО Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности в статье 40 предусматривает, что «... ничто в настоящем Соглашении не препятствует членам указывать в своем законодательстве виды лицензионной практики или условия, которые в отдельных случаях могут являться злоупотреблением правами интеллектуальной собственности, оказывая неблагоприятное воздействие на конкуренцию на соответствующем рынке. ... член может в соответствии с другими положениями настоящего Соглашения принимать надлежащие меры, чтобы предотвращать или контролировать такую практику».

В уже упоминавшемся исследовании, подготовленном для Комитета по патентному праву ВОИС, отмечается, что принудительное лицензиро-

вание в связи с антисоревновательной практикой патентообладателя может основываться как на общем запрете антисоревновательных действий, так и на совершении патентообладателем конкретных действий, таких как необоснованное завышение цены, применение преференциального режима в отношении цен и условий продажи, необеспечение внутреннего рынка запатентованным продуктом, необоснованное прекращение производства запатентованного продукта, осуществление прав способом, который отрицательно влияет на передачу технологий. В числе стран, законодательство которых прямо предусматривает возможность принудительного лицензирования в целях пресечения антисоревновательной практики, названы Аргентина, Бразилия, Канада, Саудовская Аравия, Филиппины, Чили и др. [22, с. 14].

Включение в патентное законодательство Беларуси норм, предусматривающих названное основание для предоставления принудительных лицензий, потребует *корректировки антимонопольного законодательства*. Как отмечают исследователи, антимонопольное регулирование и защита исключительных прав исторически развивались как две независимые отрасли права. Однако в большинстве как развитых, так и развивающихся государств за последние 20 лет произошел практически полный отказ правовой доктрины от идеи несовместимости данных отраслей права: конкурентного права, которое ограничивает монополию в интересах защиты конкуренции, и права интеллектуальной собственности, которое представляет собой разрешенную государством «искусственную монополию». Более того, данные отрасли с точки зрения современной доктрины должны находятся в отношении комплементарности, поскольку санкционированные государством исключительные права защищают только правовую монополию, тогда как рыночной конкуренции препятствует деятельность экономических монополий, которая регулируется средствами конкурентного права. ... Конкурентное право и право интеллектуальной собственности различаются по предметным сферам и методам регулирования, однако существует цель, которая их объединяет: и право интеллектуальной собственности, и антимонопольное право должны обеспечить инновационное экономическое развитие [25, с. 215].

В этой связи следует обратить внимание на норму ст.20 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», согласно которой запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов не распространяется «... на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении прав использу-

зования результата интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации юридического лица, товаров». Приведенная норма представляет собой так называемый «иммунитет», не допускающий применения мер антимонопольного регулирования в отношении, в первую очередь, лицензионной практики патентообладателей, ограничивающих возможности других участников рынка, заинтересованных в получении права на использование защищенных патентами решений, заведомо неприемлемыми условиями лицензий.

В зарубежной практике в последнее десятилетие сформировалась так называемая «концепция FRAND» (*Fair, Reasonable and Non-Discriminatory*) – справедливый, разумный и недискриминационный), предполагающая, что обладатели патентов, имеющих критическое влияние на отдельные области техники и технологий, не могут злоупотреблять своими правами, устанавливая неприемлемые условия лицензии или отказываясь от ее предоставления другим участникам рынка [26]. Механизмом имплементации «концепции FRAND» в отечественную правоприменительную практику, как представляется, может стать включение в патентное законодательство Республики Беларусь норм, предусматривающих возможность предоставления принудительной лицензии в административном порядке на основании решения антимонопольного органа, признающего лицензионную политику патентообладателя антiconкурентной, с одновременным исключением из патентного законодательства существующего иммунитета.

#### **Список использованных источников**

1. Ворожевич, А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты : дисс. .... докт. юрид. наук / Ворожевич Арина Сергеевна; Моск. гос. ун-т. – Москва : МГУ, 2021. – 546 с.
2. Микрюков, В. А. Ограничения и обременения гражданских прав / В. А. Микрюков. – М.: Статут, 2007. – 255 с.
3. Human Rights and Intellectual Property. Statement of Committee on Economic, Social and Cultural Rights. United Nations. Document № C.12/2001/15 [Electronic resource] // United Nations. The Office of the High Commissioner for Human Rights. – URL: <https://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/statements/E.C.12.2001.15HRIntel-property.pdf> (date of access: 19.08.2025).
4. Леанович, Е. Баланс интересов как основа развития права интеллектуальной собственности / Е. Леанович // Журнал международного права и международных отношений. – 2013. – № 1. – С. 11-17.
5. Лепаж, Анн. Обзор изъятий и ограничений авторского права в цифровой среде / Анн Лепаж // Авторское право. Бюллетень UNESCO. – Том XXXVII. – 2003. – № 1. – С. 3-27.

6. Калятин, В. О. О некоторых тенденциях развития концепции «доброповестного использования» в современном авторском праве стран «общего права» / В. О. Калятин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – С. 134-142.
7. Exceptions and Limits to Copyright and Neighboring Rights / WCT-WPTT/IMP/1 [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – URL: [http://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/wct\\_wppt\\_imp/wct\\_wppt\\_imp\\_1.pdf](http://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/wct_wppt_imp/wct_wppt_imp_1.pdf) (date of access : 19.08.2025).
8. Калятин, В. О. О соотношении исключительного права с правом собственности в современном информационном обществе / В. О. Калятин // Закон. – 2018. – № 5. – С. 54-62.
9. Кастерин, Н. А. Конкуренция вещных и интеллектуальных прав: в поисках баланса / Н. А. Кастерин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2022. Вып. 3(37). – С. 111-117.
10. Гаврилов, Э. Принцип исчерпания исключительного права и его толкование в постановлении Конституционного Суда РФ / Э. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2018. – № 5. – С. 36-46.
11. Пирогова, В. В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт / В. В. Пирогова. – М.: Статут, 2008. – 155 с.
12. Городов, О. А. К доктрине исчерпания исключительного права / О. А. Городов // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2013. – № 6. – С. 17-25.
13. Ограничения и исключения из патентных прав: исчерпание патентных прав [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности / Постоянный комитет по патентному праву / SCP/21/7. – URL: [https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/ru/scp\\_21/scp\\_21\\_7.pdf](https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/ru/scp_21/scp_21_7.pdf) (дата обращения: 30.08.2025).
14. Сесицкий, Е. Исчерпание прав на товарные знаки и параллельный импорт [Электронный ресурс] / Е. Сесицкий, Е. Шехтман // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2025.
15. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : [подписано в г. Марракеше 15.04.1994 г.] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. – URL: [www.wipo.int/wipolex/en/other\\_treaties/details.jsp? treaty\\_id=231](http://www.wipo.int/wipolex/en/other_treaties/details.jsp? treaty_id=231) (дата обращения: 30.08.2025).
16. Declaration on the TRIPS agreement and public health / WT/MIN (01) DEC/2 [Electronic resource] // World Trade Organization. – URL: [https://www.wto.org/english/thewto\\_e/minist\\_e/min01\\_e/mindecl\\_trips\\_e.htm](https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_trips_e.htm) (date of access : 30.08.2025).
17. Jerome H. Reichman [и др.] The WTO Compatiblity of a Differentiated International Exhaustion Regime [Electronic resource] // Евразийская экономическая комиссия. – URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelobs/Documents/WTO%20Compartibility%20of%20Exhaustion%20Regimes\\_EEC\\_SkHSEreport.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelobs/Documents/WTO%20Compartibility%20of%20Exhaustion%20Regimes_EEC_SkHSEreport.pdf) (дата обращения: 30.08.2025).
18. Прищепова, Е. Е. Гибкий подход к применению международного принципа исчерпания права на товарный знак / Е. Е. Прищепова // ИС. Промышленная собственность. – 2020. – № 9. – С. 41-48.
19. Гхош, Ш. Имплементация доктрины исчерпания прав: выводы, основанные на национальном опыте / Гхош Шубха // Торговая политика. – 2015. – № 3. – С. 26-52.

20. Зенин, И. А. Исключительное интеллектуальное право (право интеллектуальной собственности) как предмет гражданского оборота // Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды) : Сборник научных трудов / И. А. Зенин. – М.: Статут, 2015. – 525 с.
21. Боденхаузен, Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности : комментарий / Г. Боденхаузен ; пер. с фр. Тумановой Н. Л. ; под ред. Богуславского М. М. – Москва : Прогресс, 1977. – 306 с.
22. Draft reference document on the exception regarding compulsory licensing / Standing Committee on the Law of Patents. Thirtieth Session. Geneva, June 24 to 27, 2019 [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – URL: [https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp\\_30/scp\\_30\\_3-main1.pdf](https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp_30/scp_30_3-main1.pdf) (date of access: 31.08.2025).
23. Patent exceptions and limitations in the health context by Coenraad Visser / SCP/15/3. Experts' Study on Exclusions from Patentable Subject Matter and Exceptions and Limitations to the Rights [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – URL: [https://www.wipo.int/meetings/en/doc\\_details.jsp?doc\\_id=154817](https://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=154817) (date of access: 31.08.2025).
24. Declaration on Patent Protection. Regulatory Sovereignty under TRIPS [Electronic resource] // Max Plank Gesellschaft. – URL: <https://www.mpg.de/8132986/patent-declaration.pdf> (date of access: 31.08.2025).
25. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; ФАС России; под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова и Е.А. Войниканис. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. – 391 с.
26. Ménière, Y. Fair, Reasonable and Non-Discriminatory (FRAND) Licensing Terms. Research Analysis of a Controversial Concept [Electronic resource] // European Commission. JRC Publications Repository. – URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC96258> (date of access: 02.09.2025).